
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 210-летию Герценовского университета

*Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории*

ПРЕДЫСТОРИЯ И НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА (1763–1796)

Первый воспитательный дом в России был создан в Москве по «Генеральному плану», подписанному Екатериной II 1 сентября 1763 г. Выбор древней столицы никак не объяснялся. Вероятно, И. И. Бецкой и Екатерина задумали создание системы воспитательных учреждений, и Москва как географический центр России могла облегчить связь с провинцией. Впрочем, Петербург не остался в стороне. Забота о «несчастнорожденных детях» должна была стать делом всего общества. Пример следовало показать столичным жителям — приближенным Екатерины. 14 октября 1763 г. в прибавлениях к № 82 «Санкт-Петербургских ведомостей» сообщалось, что вследствие желания императрицы найти подражателей «благодетелям к беспомощным в роде человеческом» газета называет имена тех «боголюбивых» петербуржцев, которые «себя охотными к сему душеспасительному делу объявили и которые действительно и принимать будут приносных детей». В список вошли имена 15 придворных. Серьезность их намерений подчеркивалась опубликованием адресов: «Граф Александр Сергеевич Строганов, двор онного на Невской першпективе близ Зеленого мосту» [1].

Вряд ли объявление имело серьезные последствия, хотя некоторые из особ, вошедших в список, стали сподвижниками И. И. Бецкого. Сведений о принятых ими детях почти не обнаружено. Только в письме московских опекунов И. И. Бецкому от 16 февраля 1769 г. сообщается, что «от гр. А. С. Строганова попечением его семейства в Санкт-Петербурге получено здесь в воспитательном доме 10 младенцев... летами от 4 до 6» [2]. Символично, что первый приют для сирот существовал на Мойке, по соседству с будущим кварталом воспитательного дома, еще в 1763–1769 гг.

И. И. Бецкой намеревался открыть петербургский филиал еще в 1763 г. Пока неясно, почему эти планы не осуществились. Наконец, 15 марта 1770 г. Екатерина II подписала доклад И. И. Бецкого «О назначении места для построения воспитательного дома в Петербурге» и выделила на это «доброе начинание» 5000 руб. Дому передавался Смольный запасной двор на берегу Невы. Весенне-летний сезон был использован для ремонта. Первую девочку доставили в дом 1 сентября 1770 г. Всего за сентябрь 1770 г. приняли 8 детей. В объявлении, опубликованном в конце сентября, сообщалось, что воспитательный дом в Петербурге открывается по предписанию и на условиях «Генерального плана». Детей можно было приносить днем и ночью по дороге или «привозить водою к сделанной у того дома пристани» и отдавать привратнику. Официальный прием младенцев начался 1 октября 1770 г. До 1772 г. юридическое положение заведения не было определено. Все дела «нового агентства для приема и пересылки детей» велись вместе с делами Московского дома. Работой петербургских служащих руководил лично главный попечитель И. И. Бецкой [3], а Московский дом возглавлял опекунский совет из нескольких «знатных персон» (опекунов) под его же патронажем. До 1772 г. они работали «единственно из любви к Отечеству» и жалования не получали.

Официальный статус дом получил по сенатскому указу 6 сентября 1772 г. Как «отделяющаяся часть» Московского дома он стал именоваться Санкт-Петербургским отделением, 3–5-летних питомцев которого перевозили в Москву. При нем создавалось отделение опекунского совета (заседание) в составе главного попечителя, директора и двух попечителей, принимавших на себя звание заопекуна (лица, выполнявшего опекунские обязанности безвозмездно. — *Т. Ф.*).

«Исполнительное учреждение вдовьей, ссудной и сохранной казны» (20 ноября 1772 г.) узаконило финансово-кредитную деятельность воспитательных домов и превратило московских опекунов в профессионалов на жаловании. В 1772 г. И. И. Бецкой оформил и покровительство дому со стороны самых знатных лиц. Для них создали звание почетных благотворителей. В состав почетных благотворителей, чье покровительство распространялось и на Петербургское отделение, вошли графы К. Г. Разумовский, З. Г. Чернышев, И. Г. Чернышев, Н. И. Панин, Э. Миних, князя А. М. Голицын (генерал-фельдмаршал), А. М. Голицын (обер-камергер), А. А. Вяземский, М. Н. Волконский, Я. П. Шаховской, а также А. И. Глебов и Г. Н. Теплов. Позднее «убылые» места заняли 2 архиерея и 11 светских сановников, включая князя Г. А. Потемкина и графа П. А. Зубова.

Подчиненный характер Петербургское отделение сохраняло до 1780 г. Ситуацию не меняло даже то, что в состав заседания входил сам И. И. Бецкой. По сути, Петербургский дом не слишком отличался от провинциальных самодеятельных домов, а по форме Петербургское отделение согласовывало все решения с опекунским советом в Москве. Жалование получал только директор. Два заопекунна из служилых дворян-попечителей действовали «на общественных началах». Попечители появились в Петербурге еще в 1763 г. для сбора подаяний и содействия дому. Первыми попечителями стали придворные, которые собирались принимать сирот в своих домах. Для работы в доме нужны были люди попроще.

В его организации И. И. Бецкому помогали попечители, хорошо ему знакомые: духовник императрицы протоиерей московского Благовещенского собора И. И. Памфилов и полковник И. И. Моллер, служивший под его началом в конторе Новодевичьего монастыря. В январе 1772 г. оба получили звание заопекунов, а И. И. Моллер был назначен директором отделения. В 1773 г. попечителем стал архитектор Ю. М. Фельтен (заопекун с 1775 г.), служивший в конторе строевых. Ю. М. Фельтен наблюдал за строительством, контролировал оценку домов, закладываемых в сохранную казну. По повелению И. И. Бецкого в 1779 г. в Петербурге выбрали и первых двух опекунов [4].

В 1780 г. по новому «Законоположению» Московский дом и Санкт-Петербургское отделение уравнивались в правах. В Петербурге, как и в Москве, создавался опекунский совет из 4 опекунов, включая и обер-директора. Главный попечитель сохранил общий контроль, но дал обоим советам «на время свободу действовать и все устроить». Ежегодно по его инициативе созывались генеральные собрания для обсуждения «предосудительных» случаев, избрания обер-директоров и почетных благотворителей. Пересылку детей в Москву отменили. Главный попечитель утверждал, что «здешний дом или Московский ничто иное, как один и тот же». Советы считались «единым правлением одного воспитательного дома» [5].

В апреле 1782 г. главный попечитель, «ведая достойные качества» доктора Ф. П. Фрезе, предложил назначить его обер-директором в надежде, что врач сможет уменьшить смертность детей. Ф. П. Фрезе оправдал ожидания и стал, пожалуй, самой привлекательной фигурой среди петербургских опекунов. Вместе с тем он обладал строптивым характером. Ф. П. Фрезе вскоре обнаружил крупную недостачу. Оказалось, что кассир К. Принц с 1778 г. похитил свыше 170 тыс. руб. Дом был и судебной инстанцией для служащих. Ф. П. Фрезе добился возвращения почти 100 тыс. руб., об остальных же «совершенно утраченных» 74 тыс. представил совету. Руководствуясь мнением И. И. Бецкого, опекуны посчитали, что руководители и бухгалтеры несут коллективную ответственность за кражу, и постановили: «Собрав их, расчислить суммы и получить от них собственноручные обязательства на плату попущенного Принцем похищения». «Первым виновником» краж объявили И. И. Моллера (начет — почти 19 тыс. руб.). Остальным членам заседания следовало внести в кассу от 18700 руб. до 140 руб. Оштрафованные завалили совет оправданиями. Летом 1784 г. генеральное собрание, вопреки мнению И. И. Бецкого, исключило похищенную сумму из счетных книг. Преступники и попустители отделались испугом, а Ф. П. Фрезе получил премию [6]. В марте 1785 г. в результате конфликта с И. И. Бецким Ф. П. Фрезе уволился. Вскоре в Петербургском доме появился новый начальник — коллежский советник Е. А. Киришаум, ранее состоявший под началом почетного благотворителя князя А. А. Вяземского в экспедиции о государственных доходах.

К началу 1790-х гг. обстановка в обоих домах не устраивала главного попечителя. 31 мая 1790 г., воспользовавшись тем, что с началом русско-турецкой войны почти все почетные благотворители выехали к театру военных действий, и генеральные собрания стали невозможны,

И. И. Бецкой объявил о возвращении себе полной власти в отношении Петербургского совета. Однако к этому времени главный попечитель был уже слишком стар. Он понимал, что не сможет контролировать ситуацию в Москве, но и попытка взять в свои руки бразды правления в Петербурге привела к унижительному поражению.

Замученный болезнями, 86-летний Бецкой ринулся на защиту своего детища. 4 июня 1790 г. он уволил обер-директора Е. А. Киршбаума «в рассуждение слабости его здоровья», а 7 июня — и опекуна И. И. Ловцова «по причине болезненных припадков». И. И. Бецкой надеялся, что его подчиненные не пожелают публичного разоблачения и покинут свои места, но они пожаловались Екатерине. 10 июня 1790 г. почетный благотворитель граф Я. А. Брюс объявил опекунам негласное распоряжение императрицы: «Совету никаких приказаний главного попечителя, противных Учреждению, в действо не производить».

Екатерина повелела созвать генеральное собрание с участием «наличных в здешней столице нашей почетных благотворителей, попечителей и опекунов». Получив указ, главный попечитель раскрыл ей причины увольнения чиновников: обер-директор с помощью преданного ему опекуна «ставил ни во что мои указания». Служащие не раз жаловались И. И. Бецкому на их притеснения, сообщали об «упущениях воспитания» и даже «недостатке прокормления детей». И. И. Ловцова, к тому же, часто видели «в присутствии пьяным к посрамлению совета». Главный попечитель утверждал, что болезнь, как предлог для увольнения, он выставил с целью «сохранения кредита воспитательного дома».

Генеральное собрание заседало 2 сентября 1790 г. и не пришло к единому мнению. 5 человек посчитали, что главный попечитель имел полученные от Екатерины полномочия на увольнение нарушителей. С ними не согласились 4 участника собрания, заявившие о незаконности его действий. Видимо, они знали мнение Екатерины. Императорский совет принял сторону меньшинства. Вскоре императрица сообщила И. И. Бецкому, что не нашла законных оснований для отрешения обер-директора и опекуна, но оставлять их на прежних постах посчитала неудобным и определила в свой кабинет [7].

С осени 1790 г. участие И. И. Бецкого в делах воспитательных домов прекратилось, но только 19 января 1792 г. секретным указом Екатерина предписала генеральному собранию избрать его преемника. 27 февраля она утвердила доклад о выборах, повелев тайному советнику графу Х. С. Миниху немедленно вступить «в должность преемника» [8]. Официально и после смерти И. И. Бецкого он именовался исправляющим должность преемника главного попечителя. Истинная причина изменений в руководстве домами названа не была, формально И. И. Бецкой сохранял свои полномочия. Он выражал недовольство ходом событий, но влиять на них уже не мог. В 1795 г. И. И. Бецкой умер.

В основе деятельности Петербургского отделения и дома лежали педагогические идеи Просвещения, изложенные в «Генеральном плане» И. И. Бецкого. Целью воспитательных домов объявлялось создание в России «третьего чина народа», как составной части «новой породы» людей. Приоритет в ее достижении отдавался воспитанию, исключая влияние семейной и общественной среды. Главным методом воспитания называлось подражание добрым примерам. И. И. Бецкой понимал: чтобы вырастить «новую породу людей», воспитателям «отроков» следует быть самими «законодавцами и философами». Он сознавал, что «весьма трудно» найти таких учителей, но считал, что «сие не препятствует искать оных». Питомцев полагалось учить «познанию веры», рисованию, чтению, письму, арифметике, географии, «правилам гражданской жизни», рукоделиям, работе на мануфактурах и фабриках, коммерции и «правилам садоводства». Следовало выявлять детей, одаренных «проницательным разумом» и способных к искусствам, а девочек учить так же, как и мальчиков. Став женами и матерями, они «прилежнее исполнят свою должность», лучше воспитают своих и вверенных их заботам чужих детей.

В обучении полагалось «употреблять умеренность и приятство, не делая наказания за ошибки», тогда у детей останется время для игр, они почувствуют «охоту учиться и веселости не лишаться». Автор плана предписывал: «Единожды навсегда ввести в сей дом неподвижный закон и строго утвердить, никогда и ни за что не бить детей, ибо не удары в ужас приводят, но страх умножается в них от редкости наказаний, что есть самое действительное средство к их поправлению» [9].

Обеспечивать отделение, как и Московский дом, первоначально предполагалось за счет пожертвований. На открытие Петербургского отделения графы П. Б. Шереметев, П. Г. Чернышов,

К. Г. Разумовский, а также А. А. Нарышкин передали в сумме 8400 руб., значительные пожертвования сделали духовные лица. Императрица в 1770 г. выделила на дом более 90 тыс. руб. С 1782 г. ее жертвования на Петербургский дом были выделены отдельной строкой и за 15 лет составили 445 тыс. руб. (ранее на Московский дом и его Петербургское отделение она потратила до 1 млн 400 тыс. руб., еще 680 тыс. руб. было пожаловано на оба дома от имени наследника) [10].

Заботились о доме и горожане со средними доходами. Так, драгоценности и предметы одежды, пожертвованные дому в 1791 г. актером С. Н. Сандуновым, были проданы за 2695 руб. С начала 1770-х гг. среди источников доходов главное место стала занимать прибыль от сохранной и ссудной казны. Их деятельности И. И. Бецкой постарался придать благотворительный оттенок. В сохранную казну принимались деньги с выплатой процентов и исполнением завещаний. Она также выдавала ссуды дворянам под залог имений, а купцам — каменных домов в столице. Процент от ссуд перечислялся в пользу дома. Полагалось сделать и разовое пожертвование. Ссудная казна (ломбард) выдавала петербуржцам мелкие ссуды под «ручные заклады» с выплатой невысоких процентов, частью в пользу дома.

Петербургское отделение располагалось в районе Смольного монастыря. Усадьба тянулась вдоль берега Невы и была огорожена «из побитых свай палисадом». Нештукатуренный каменный корпус делился на три части: два боковых крыла были одноэтажными, а центральная часть имела два этажа. В «набережной части» здания имелся большой зал с паркетными полами и сводами, опиравшимися на 8 столбов, и что-то вроде веранды — помещение с «воздушным окном о 4 стеклах». Во дворах располагались деревянные служебные постройки и жилье для прислуги. Усадьбу дополняли небольшой садик и луг.

Детей, в основном, доставляли прямо в дом. Прием был тайным. Среди младенцев попадались крепостные. Ребенка возвращали помещику только в том случае, если были твердые доказательства его крепостного происхождения. Сохранилась просьба солдата принять в число питомцев его 10-месячного сына, которого он не мог растить после смерти жены. Петербуржцы, пригревшие сирот своих знакомых, передавали их в дом с получением вознаграждения.

Малышей привозили и из провинциальных воспитательных домов, создаваемых попечителями. Олонецкий купец Я. Т. Вашкалов содержал дом сначала в Олонце, а затем в Вытегре и доставил в столицу в 1772–1779 гг. 124 ребенка. В конце 1770-х гг. купец разорился, спорил с Петербургским отделением о размерах выплат за привезенных детей. В 1779 г. звание попечителя с Я. Т. Вашкалова сняли. В 1783–1784 гг. дом в Вытегре находился в ведении Приказа общественного призрения. В 1784 г. оттуда в Петербург доставили 19 мальчиков и 20 девочек. В 1770–1790-е гг. привозили детей из воспитательных домов Новгорода и городов губернии. Третьим источником пополнения дома стал родильный госпиталь, который открылся осенью 1771 г. на пожертвование в размере 20 тыс. руб., сделанное «благотворителем» Московского дома П. А. Демидовым.

Принятых младенцев передавали кормилицам. Детьми старше двух лет занималась надзирательница. Кормилиц не хватало, детей приходилось вскармливать искусственно, что увеличивало смертность. К тому же, как и в Москве, в дом приносили много больных детей. Несмотря на московский опыт, показавший, как необходимы в доме профессиональные медики, в Петербургском отделении поначалу не было постоянного врача. Он появился только во второй половине 1770-х гг. В 1780-х гг. при доме, кроме лазарета, был «оспенный дом», в котором питомцам от 4 до 10 лет прививали натуральную оспу.

Нехватка кормилиц вынудила И. И. Бецкого согласиться на раздачу питомцев отделения, как и Московского дома, по окрестным слободам и деревням для вскармливания в крестьянские семьи. Первые сведения об этом относятся к 1771 г. В 1780 г. младенцев раздавали на Охтинские пороховые заводы, в Мурино, Ижору, Колпино и на царскоесельскую дорогу. Детей обеспечивали рубашками и пеленками, на шею каждого надевали шнурок с номером. Воспитатели получали плату. В апреле 1772 г. управитель Охтинской слободы капитан В. Докучаев вызвался безвозмездно наблюдать за содержанием питомцев, розданных охтинским «обывателям». Позднее эти наблюдения, разъезды поручили медикам. То, что они видели, нередко повергало их в ужас. В 1783 г. лекарь Власенков писал, что встречал малышей, не имеющих «при себе ни одной персоны, ползающих в грязи, по земле и плачущих, не имея ни пищи, ни питья». По его сведениям, очень немногие питомцы содержались в чистоте, в чем врач и видел причину распространения многочисленных болезней. Детская смертность в деревнях находилась примерно на том же уровне, что и в доме, а ино-

гда превышала его. В 1788 г. в Петербургском доме учредили должность разъездного надзирателя. Контроль над деревенскими воспитателями в Петербурге, в отличие от Москвы, в 1790-е гг. был налажен.

В 1771–1780 гг. всех питомцев Петербургского отделения старше 3 лет перевозили в Московский дом. Транспортировка считалась делом государственной важности. К примеру, выехавший из Петербурга 23 августа 1773 г. обоз с 43 воспитанницами возглавлял сержант В. Бухаров с 10 помощниками. Дети ехали в фурах — длинных крытых телегах. Для девочек везли камлотовые (шерстяные) юбки и зеленые платья из того же материала, рубашки и передники, серые ратиновые корсеты и шляпки из зеленой крашенины (холста) с розовыми лентами. Сержант отвечал за детей и следил, чтобы няньки имели за ними «прилежное смотрение». Дети сидели в одних и тех же фурах, а на их одежду для контроля были пришиты номера. На ночлег останавливались в «крепких избах» или в самих фурах. В Новгород детей доставили «в добром здоровье», во время «еханья в фурах усидеть не могут, и просят, и где только дорога гладкая, из фур выпускаются и по дороге бегают и едут с роздыхом». Обоз привлекал множество «смотрителей». По пути ребята «без всякого внушения запасной хлеб раздавали бедным». 19 сентября, на 27-й день путешествия, детей доставили в Москву.

До конца 1770-х гг. дом размещался у Смольного монастыря. Детей приносили издалека, что отражалось на их здоровье. В 1776 г. при воспитательном учреждении открылись сохранныя и ссудная казна, и удаленность от центра могла сказаться на их доходах. Помещения серьезно пострадали во время сентябрьского наводнения 1777 г., «последней капли, переполнившей чашу бедствий и неудобств», испытанных в «отдаленном помещении на берегу бурливой реки».

В марте 1778 г. Екатерина II передала Петербургскому отделению дом князя А. Г. Грузинского у Царицына луга на углу Миллионной улицы и Красного канала, взятый в казну за долги. Двухэтажное здание имело до сотни «покоев», часть которых отличалась богатым убранством. Двор был вымощен «диким камнем». Однако здание находилось «в неисправном состоянии» и потребовало ремонта, проведенного под руководством И. И. Моллера и архитектора Ю. М. Фельтена. В октябре 1778 г. туда переехали сохранныя и ссудная казна.

31 декабря 1778 г. И. И. Бецкой сообщил в совет: «По причинам помещения казен в дом на Миллионной, лучше соединить их с отделением». Для этого 22 января 1779 г. приобрели смежный дом графа К. Г. Разумовского. Его ремонт затянулся. 22 апреля 1780 г. главный попечитель заявил, что давно требуется перевести «здешний воспитательный дом» в новое здание «как в рассуждении долженствующего быть поблизости заседания лучшего присмотра за воспитанием детей, так и для отвращения по отдаленности от города излишних издержек, а притом и во избежание происходящего от непродачи одного дома, где дети ныне живут, убытка». К концу 1780 г. питомцев Петербургского дома перевезли на Миллионную. В доме у Смольного, по указу императрицы купленном за 30 тыс. руб. в казну, решено было поместить богадельню.

1 октября 1788 г. была освящена возведенная при доме церковь. Богослужение «при великом стечении народа» провел митрополит Гавриил с И. И. Памфиловым. На церемонии присутствовали И. И. Бецкой и опекуны. Дети «стояли на своих местах в великом удивлении, взирая на невиданное благолепие». Настоятель храма произнес речь, два воспитанника преподнесли медали воспитательного дома митрополиту и духовнику. Почетных гостей угостили «винами и завтраком» [11]. Петербуржцы «по вторым по Аптекарскому переулку от Миллионной воротам» могли видеть надпись: «Путь к человеколюбию», а у других ворот напротив Мраморного дворца у входа в помещение совета красовалась вывеска: «Императорского воспитательного дома три казны» [12].

В здании на Миллионной улице, после отмены пересылки детей в Москву, появились учителя. Удалось обнаружить сведения о 42 педагогах, принятых на работу в 80–90-е гг. XVIII в. Преобладали иностранцы. Мужчин и женщин было примерно поровну — соответственно 22 (8 русских) и 20 (6 русских). Сведений об их образовании не сохранилось. Лишь в деле Х.-М. Геринга сообщается, что он имел степень магистра философии и был выпускником Геттингенского университета. Основанием для приема на службу являлась предыдущая деятельность либо рекомендации. Многие И. И. Бецкой знал по преподаванию в Шляхетском корпусе и Академии художеств, частью они вышли из питомцев Московского дома или были придворными музыкантами и танцовщиками. Для некоторых из них служба в доме стала главным делом жизни. Брауншвейгский уроженец И.-Х. Зибенгар перешел в русское подданство, прослужил учителем свыше 15 лет и скончался в 1801 г.

Священник С. Васильев обучал детей Закону Божьему и грамоте. Русский язык преподавали работавшая ранее в Шляхетском корпусе Н. Клевецкая и бывшая воспитанница У. Васильева. Французский и немецкий языки были прерогативой учителей-иностранцев. Помощники учителя жили «при детях» для «растворивания» задаваемых питомцам уроков. В доме изучали токарное дело и механику (токари И. Шивес и Севих, «вольный механик» В. Иваницкий), «прядельное рукоделие» и «вязание чулков» (Е. Рейнова, Е. Рютенбург), учили «ткать тесемки» (бывшая воспитанница М. Акимова), вышивать «золотом, серебром, разными шелками и блестками и кружевоплетению», а также «мыть шелковой материи платья, флер и блонды» (А. Т. Козырева, Е.-А. Бальман).

В. Соколов, преподаватель Академии художеств, учил детей рисовать. «С изрядным успехом» 10 мальчиков и 4 девочки обучались игре на клавикордах (учитель музыки Шляхетского корпуса Луини), еще 10 мальчиков — игре на скрипке (камер-музыкант Шкнати). В апреле 1784 г. совет по представлению Ф. П. Фрезе купил арфу и нанял единственного в столице «славного гарфиста» Гартмана для обучения 8 мальчиков игре на этом модном тогда инструменте, чтобы в будущем «доставить питомцам довольное пропитание». Ф. П. Фрезе считал необходимым готовить из воспитанников и учителей танцев для дома. Их обучала «известная в совершенном знании танцевального мастерства иностранка Сабиони». И. И. Бецкой настаивал, чтобы подростков выправляли «в стройности тела обучением танцевания». Этим занимались выпускники Московского дома служащие Российского публичного театра танцовщик Г. Иванов и музыкант А. Иванов. Еще два бывших питомца-музыканта из театра — К. Барков и П. Смирнов — играли «для увеселения воспитываемых детей по воскресным и прочим торжественным дням и для приохочивания их к танцеванию» [13].

В начале 1790-х гг., когда И. И. Бецкой был отстранен от дел, в Петербургском доме накапливались проблемы, которые в конце екатерининского царствования не находили решения. Воспитательные дома уже не интересовали императрицу. В здании на Миллионной улице стало тесно. В 1784 г. в доме находился 241 воспитанник, еще 1060 детей размещались по деревням. В 1791 г. число питомцев, проживавших в том же самом здании, увеличилось до 523 человек, 1959 детей воспитывались по деревням.

В октябре 1791 г. главная надзирательница К. Зильберарм, отвечавшая за девочек, сообщала в совет, что от «многочисленности воспитанников женского пола» дом «сделался слишком тесен». Она беспокоилась об их здоровье. В спальне, в которой раньше проживали 50 человек, теперь находились 74 воспитанницы. В комнатах царил духота и «вонючая влажность». В доме не было помещения, где дети могли «при весьма худой погоде во время свободных часов могли иметь движение через игру», и они сидели в классах и спальнях. Теснота препятствовала более широкому обучению девочек рукоделиям. Вопрос о перенаселенности дома в 1792 г. поставил и опекун П. Я. Ильин. Он напомнил, что совет собирался купить новое здание или начать строительство нового, но решения так и не принял. Дети от этого терпели «столько, что всякий посторонний даже не мог бы взирать на них без сожаления». Деревенские воспитанники оставались у крестьян до 7–9 лет. «Генеральный план» не выполнялся: дети не получали ни воспитания, ни профессионального образования [14].

О неблагополучии свидетельствовала и история, приключившаяся весной 1794 г., когда из дома попытались отправить записку, адресованную главному попечителю И. И. Бецкому. В ней говорилось: «Мы очень соболезнуем о вашей долговременной болезни... Нас крайне обижают, кто если скажет голоден, то его за то разденут догола и на двое сутки на хлеб и на воду и в холодную баню, и что господин инспектор Петр Федорович довел нас до того, что мы у работников в ногах валяемся, и что они нас бьют и ругают скверными словами. И что если кто донесет о том господину инспектору, того телесно накажут. И кто свою нужду донесет, что он же хочет к мастерству, то он телесно наказывает и скажет, не смею проситься». Это была жалоба на порядки в доме и лично на инспектора или обер-директорского помощника П. Ф. Вындомского, исполнявшего обязанности обер-директора за отсутствием последнего. Письмо написал один из старших воспитанников Павел Петров, молодой человек примерно 18 лет. Расследование подтвердило, что питомцев плохо кормили, помощник надзирателя И. Ф. Ахматов оскорблял их и не брезговал рукоприкладством. Кроме того, в доме почти не практиковалось профессиональное обучение питомцев мужского пола.

Тем не менее воспитанника решили «наказать при собрании всех детей розгами... дав... почувствовать ему сожаление о том, что место человеколюбия, в пеленах его призревшее, возраставшее... принуждено против воли худым его поступком употребить для исправления не кротость, но

телесное наказание». Назначая наказание, совет не вполне корректно сослался на «Генеральный план» (Ч. 1. Гл 5. § 12), который предлагал рассматривать преступления воспитанников, к примеру, кражи, «вышним начальникам». План весьма обтекаемо полагал наказывать их «по рассмотрению, при собрании всех детей».

История с П. Петровым получила продолжение. В доме провели ревизию педагогических кадров, нормативных актов и методической документации. Пришлось озаботиться делами питомцев 15–19 лет, не имевших специальности. Организовать профессиональное обучение в доме не представлялось возможным из-за пресловутой тесноты, и совет решил отдавать подростков «для научения знающим и честного поведения мастерам и художникам по контрактам».

Вероятно, дело о «недобропорядочном поступке» воспитанника ускорило назначение нового обер-директора И. Г. Сумбатова. Его утвердили 28 апреля 1794 г. Он был отставным боевым офицером и, похоже, человеком честным [15]. Видимо, И. Г. Сумбатову удалось справиться с наиболее вопиющими злоупотреблениями. Ко времени воцарения Павла I Петербургский дом выглядел значительно пристойнее Московского.

В 1780–1790-е гг. питомцы воспитательных домов стали вливаться в число столичных жителей. Почти все они выросли в Москве. В 1770-е гг. оттуда десятками присылали для учебы мальчиков в Академию художеств, а девочек — в мещанское отделение Смольного института. Московские питомцы составили труппу петербургского театра К. Книппера, позднее — знаменитого театра И. А. Дмитревского, работали на заводах и в ремесленных мастерских, служили канцеляристами и чиновниками в опекуновом совете и других учреждениях, составляли немалый процент свободной прислуги в столичных домах. Мнение о полном провале идей И. И. Бецкого является преувеличенным.

Петербургский дом как часть единого воспитательного дома стал одним из центров российской педагогики, основанной на идеях Просвещения. Начало его работы заложило основы петербургской благотворительности. В царствование Екатерины II Петербургский дом переживал период становления. Его расцвет связан с обретением в 1797 г. самостоятельности и деятельностью императрицы Марии Федоровны.

Литература

1. РГИА. Ф. 758. Оп. 32. Д. 1. Л. 27–28 об.
2. Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 361. Л. 12.
3. Там же. Д. 332. Л. 36; Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. Т. 1. СПб., 1789. С. 452–453; *Пятковский А. П.* Начало воспитательных домов в России / *Вестник Европы.* 1874. Т. 6. С. 291, 304.
4. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 347. Л. 1–2; Д. 875. Л. III об. *Пятковский А. П.* С.-Петербургский воспитательный дом под управлением И. И. Бецкого // *Русская старина.* 1875. Т. 13. С. 196–197.
5. Санкт-Петербургские ведомости. 1780. № 100. Прибавления.
6. РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 7. Л. 1, 10–10 об.; оп. 5. Д. 721. Л. 31–43, 53.
7. РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 14. Л. 1–52 об.; ф. 759. Оп. 10. Д. 382. Л. 1–2 а; д. 383. Л. 2–13 об.; *Русская старина.* 1875. Т. 13. С. 198–199; *Майков П. М.* И. И. Бецкой. Опыт его биографии / П. М. Майков. СПб., 1904. С. 199.
8. РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 16. Л. 4.
9. ПСЗ. Т. 18. № 12957.
10. Материалы для истории ... Московского воспитательного дома. М., 1863. Вып. 1. Паг. 3. С. 55; РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 370. Л. 1–4.
11. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 124. Л. 1–8; д. 57. Л. 3–22; д. 134. Л. 1–4 об.; д. 126. Л. 1–1 об.; д. 45. Л. 1–2; д. 7. Л. 1–2; д. 110. Л. 6–44 об.; оп. 5. Д. 681. Л. 1–100 об.; д. 875. Л. IX–IX об.; *Фруменкова Т. Г.* Из истории частной благотворительности в России во второй половине XVIII века / *Вторые петровские чтения: Сб. н. тр.* СПб., 2001. С. 26–30; *Русская старина.* 1875. Т. 12. С. 152–159; т. 14. С. 437–442, 619–623.
12. Собрание разных известий Императорского воспитательного дома. Т. 2. СПб., 1791. С. 264.
13. РГИА. Ф. 758. Оп. 19. Д. 30; д. 35; д. 40; д. 45; д. 49; д. 59; д. 76; д. 84.
14. Там же. Оп. 20. Д. 11. Л. 1 об.; д. 122. Л. 1 об. 2; д. 121. Л. 1–4; д. 127. Л. 1–3 об.
15. Там же. Д. 130. Л. 2–2 об., 13 об.; д. 133. Л. 1–3; оп. 7. Д. 21. Л. 5.